

Вера Петрук

СЛУЖАНКА
ДЛЯ ЗВЕРЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вера Петрук

Служанка для Зверя

<https://litres.ru/74200002>

SelfPub; 2026

Аннотация

Приемная дочь банкиров, я была их очередным активом. Когда семья выбрала мне в мужа садиста, я решилась на побег, который закончился плохо – больницей и комой.

Но судьба дала второй шанс, и я снова сбежала, спрятавшись в машине незнакомца. Мы заключили сделку. Летом я стану служанкой в его доме, а он обеспечит мне приют и защиту, ведь мой покровитель – известный магнат и враг моих врагов.

С каждым днем в новом доме я узнаю больше тайн о его хозяине и начинаю понимать, почему его называют Зверем. Вот только Зверь не пугает, он притягивает. Дистанция между нами сокращается, и мне кажется, что под маской Зверей я вижу того, кого искала всю жизнь.

В книге есть:

- Эмоциональные качели, глубокие чувства и переживания
- Сильная сюжетная линия, эротика - на втором месте
- Откровенные сцены, насилие, нецензурные выражения
- Неадекватный влюбленный главный герой, одержимость
- Сильная героиня
- Драма с ХЭ

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	43
Глава 8	52
Глава 9	58
Глава 10	64
Глава 11	70
Глава 12	76
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Вера Петрук

Служанка для Зверя

Глава 1

Сегодня я впервые решила сказать «нет». Настоящее и будущее должны принадлежать мне: если и с ошибками, то с моими собственными. Маленький бунт, который готовила я, приемная дочь крупнейших банкиров города, должен был начаться в уютной кондитерской, где у меня была назначена встреча.

Зайдя в кафе, я не могла отделаться от мысли, что за мной следят. Неудивительно, наверное, ведь каждый мой день с пяти утра и до десяти вечера начинался, длился и заканчивался под пристальным наблюдением охраны, приставленной родителями. Режим дня, питание, одежда, работа, увлечения, образ жизни и мысли строго контролировались четкой Латьер, которые были уверены, что без их вмешательства меня ждала судьба нищей алкашки и шлюхи. Как у всех тех, кто населял Народный квартал Лейноры, где однажды полицейские нашли коробку с младенцем, оставленную у мусорных баков.

Я много думала о том, чем стала для меня семья Марианны и Генри Латьеров – ангелами, призванными поднять ме-

ня на вершину, или демонами, напоминающими о том, что за все надо платить. И за вершину в том числе тоже.

Впрочем, соглядатаев, которые преследовали меня последние месяцы, я не заметила. Дамы преклонного возраста занимали почти все столики у окон, две женщины с детьми расположились у входа, несколько мужчин в деловых костюмах сидели в центре в окружении витрин с тортами и пирожными и выглядели так же нелепо, как мы с Петром – моим спасителем.

– Не могу поверить, что это ты! – заливался Петр Зайцев, умудряясь жевать бисквит и говорить одновременно. – Отщипни мне кусочек своей удачи, да побольше. А еще лучше кинь в меня деньгами, можно со всей силы, я только спасибо скажу. Шучу, шучу! Это что на тебе? Костюм от Конжурской? А часы от Августии? И едешь ты, наверное, не на смарте.

Мой гардероб занимал две просторных комнаты, в которых можно было заблудиться между рядами шкафов, стеллажей и вешалок. Лучше всего в моей одежде разбиралась гувернантка – одна из пяти, та, кто отвечала за внешний вид наследницы Латьер. Матушка всегда была прислугой недовольна и меняла персонал каждые полгода. Я предпочитала не думать, что ношу, и сколько это стоит. Как и о том, кто сидит за рулем моего нового авто. По мнению отца, лучшего подарка для современной девушки было не найти, поэтому с тех пор как мне исполнилось восемнадцать, мне дарили ма-

шины. В моем гараже насчитывались уже девять авто, потому что одними днями рождениями отец не ограничивался.

Сейчас мои мысли были далеки и от одежды, в которую меня сегодня нарядили, и от машины, на которой привезли на работу. Я думала о том, сколько продержатся детектив и девушка-двойник, которые должны были обеспечить мне час свободного времени в обед. По мнению матушки, двадцатичетырехлетняя выпускница финансового университета Лейноры не была способна определить, с кем, где и чем ей обедать.

За мои завтраки отвечал личный повар, а ужинала я обычно с семьей. Согласно расписанию, составленному Марианной Латьер, ее приемная дочь должна была обедать с двенадцати до часу в трех, специально отобранных матерью ресторанах города. Сама матушка, к счастью, во время этих обедов не присутствовала, поэтому, когда мне пришла в голову мысль о двойнике, воплотить ее в жизнь было нетрудно. Не сказать чтобы Даша была похожа на меня идеально, однако охрана, сопровождавшая нанятую девушку в рестораны, подмены пока не обнаружила. А так как после обеда мне полагался получасовой сон, то кусочек свободы в день я себе отвоевала.

Встреча же с Петей Зайцевым была заслуженной наградой. Сам Петр, конечно, не догадывался, кого именно я в нем видела, но, похоже, был не менее счастлив встретиться с бывшей одноклассницей в торговом центре, куда я забрела,

решив снова нарушить диету. В последнюю неделю я подседала на маффины из этой кондитерской, хотя и понимала, что заедаю стресс сладким, и очередное взвешивание в тренажерном зале скоро выдаст мой секрет. На то, чтобы заниматься в спортзале больше и дольше, у меня не было ни сил, ни времени, поэтому я просто ждала, когда разразится буря. И бессознательно к ней стремилась.

Я столкнулась с Петром на узком эскалаторе и решила, что это знак судьбы, ведь Зайцев был одним из немногих выпускников элитной школы Лейноры, который решил покинуть город и строить будущее вдали от родительского гнезда. Когда-то Зайцевы владели крупной сетью обувных магазинов, но лет десять назад громко обанкротились.

Увидев Петра, я думала только об одном: вот он, человек, который сумел построить жизнь самостоятельно, без семейных денег и родственных связей. На редких встречах одноклассников, которые я ненавидела, но которые посещала по настоянию мамы, Петю Зайцева обсуждали часто. Болтали, что он завел сорок кошек, ударился в религию, а еще выиграл государственный грант и открыл частную школу в одной из далеких областей. Меня особенно интересовало последнее, и разглядывая фирменный значок на лацкане его пиджака, я все больше убеждалась, что поступила правильно, назначив встречу. На значке был изображен факел на вершине башни, под которой расположилась витиеватая надпись: «Частная школа Петра Зайцева».

Похоже, Петр был рад видеть меня не меньше. Он тоже собирал слухи и буквально с первой секунды встречи говорил только о деньгах Латьеров. Я уже поняла, что с деньгами у его «Частной школы» негусто, однако радовать Петра не спешила. Тому пока незачем было знать, что деньги для меня давно перестали иметь значение, а вот свобода – ее я оценивала бесконечно дорого, и за будущее, свободное от родительского гнета, была готова платить столько, сколько потребуется.

Глава 2

Я планировала побег с тех пор, как поняла, чем отличаюсь от других детей, но реальный шанс появился только сейчас. Латьеры были уверены, что рано или поздно их дочь захотят похитить, и охраняли меня так, что даже в туалет я ходила вместе с охранницей – и дома, и в школе, и где-либо еще.

Совершеннолетие не помогло почувствовать себя взрослой, но предоставило определенные преимущества: охраны стало меньше. А еще я получила полную власть над личными расходами, и это помимо зарплаты, которую получала помощница генерального директора Рина Латьер в Центральном банке Лейноры. Им с незапамятных времен владели мои приемные родители.

– Как дела в школе? – перебив словесный поток Петра, спросила я, стараясь не сильно оглядываться по сторонам. Взрослая жизнь принесла мне не только мечты о свободе и богатство, но и готовые проблемы с психикой. Я была достаточно начитана этой области, чтобы понять, что без специалиста к нормальной жизни еще долго не смогу вернуться. Но психолог и душевное здоровье пока еще находились за пределами видимости. Мне бы для начала просто сбежать.

– В какой школе? – рассеянно спросил Зайцев, с плохо скрываемой завистью разглядывая часы на моей руке. – А, ты про мою! – он нервно хлопнул себя по коленям. – Ох,

нам бы спонсора. Сама понимаешь, в какие времена живем. Я весь в долгах. Офисным крысам из министерства образования плевать, что мы единственная школа такого уровня на весь Ливонск.

Я рассеянно слушала его нытье, а сама думала о том, что в захолустье под названием Ливонск будет несложно затеряться, особенно человеку с деньгами.

Родители станут искать меня, прежде всего, в крупных городах, например, в столице, многомиллионное население которой могло растворить в себе любого беглеца, но я предпочитала не рисковать. Выждать месяца три-четыре в Ливонске, а потом тихонько переселиться в столицу – таков был план. Сидеть без дела я не умела, поэтому заранее придумала себе занятие.

– Возьми меня на работу, – сказала я, отодвинув от Петра тарелку с очередным маффином. – И я оплачу твои долги. Согласна на самую низкую ставку. По правде, я могла бы и без зарплаты, но, боюсь, у министерства появятся вопросы, а лишнее внимание не нужно ни тебе, ни мне. У меня диплом финансиста, но я заканчивала математические курсы в рамках повышения квалификации. Могу также экономику вести в старших классах. Да, если честно, я на все готова.

– Это какая-то игра, да? – переспросил Зайцев, нервно оглядываясь. – Или у тебя проблемы с законом?

– С законом никаких проблем, – уверенно солгала я. – Меня замуж родители выдают, а я не хочу. Решила сбежать

на пару месяцев туда, где станут меньше всего искать. Ты же знаешь моих предков. Как в голову что взбредет, так не успокоятся.

Если хочешь солгать убедительно, приправь слова толикой правды, любил говорить отец, а я его уроки усвоила.

Родители и в самом деле заговорили о браке, который уже снился мне в кошмарах. Зная мать, я понимала – если та что-то решила на мой счет, значит, так и случится. Жениха выбрали исключительно по расчету. Отец давно намекал о создании совместной компании с династией Качернетти, владевшей гостиничным бизнесом Лейноры. А хорошую сделку принято скреплять брачными узами.

Наведя кое-какие справки об Викторе Качернетти, я поняла, что бежать надо немедленно. Мало того что клан Качернетти был тесно связан с городской мафией, так еще и сам Виктор был нездоров – психически. Это не разглашалось, но мой детектив отработал деньги, которые я ему заплатила. Если информация о психических проблемах моего жениха была правдой, то мы с Виктором Качернетти, и правда, составляли идеальную пару. Оба из богатых семей, оба немного психованные, оба красивые.

Я с детства не вылазила из спортзалов, а косметологов посещала также часто, как диетологов и стоматологов, Виктор же работал моделью, но после свадьбы собирался покинуть подиум и заняться семейным бизнесом, то есть, стать еще одной ячейкой криминального мира Лейноры.

– Страшный, значит, – сделал свои выводы Зайцев. – Но, если богатый, то я бы потерпел. Хотя ты тоже богатая. Хм, надо подумать. А если тебя найдут, у меня, наверное, будут проблемы. Я с твоими родителями связываться не хочу.

Страшным Виктор Качернетти не был. Его фотографии наглядно демонстрировали фразу «породистая мужская красота». Но определять, насколько образ на фото соответствует реальности, мне не хотелось. Родители постоянно заговаривали о первой встрече, после которой не за горами была и помолвка. Браки по расчету заключались быстро. Я не сомневалась, что к весне моя фамилия поменяется на Качернетти.

– Жаль, что ты отказываешься, – вздохнула я, решив применить один из излюбленных отцовских приемов: давление. – Что ж, желаю удачи. Может, какой банк и оформит тебе кредит, но точно не Центральный Банк Лейноры. Я бы на твоём месте попробовала столичные банки, хотя, конечно, с твоей кредитной историей это будет небыстро.

– Что ты! Зачем так сразу! – снова всплеснул руками Зайцев. Он вообще делал много бесполезных жестов в отличие от меня, которая с момента встречи едва ли шевельнулась. – Как не помочь однокласснице? Тем более, в таком деликатном вопросе. У меня как раз математиков не хватает. А захочешь экономику, так сразу организуем дополнительные занятия. Ты когда к нам приедешь? Считай, что у тебя уже есть работа! Только можно чек заранее оформить? У меня

на следующей неделе платеж.

– Выпишу чек завтра, – обрадовала его я. – А ты когда уезжаешь?

– Прямо с утра. И так задержался.

– Отлично, я с тобой. Ничего, если на твоей машине? Топливо, расходы на мотель и прочее за мой счет. Знаю, что дорога неблизкая.

– Ох, даже не знаю, что сказать, – Петр явно растерялся от свалившейся на него удачи. – Здорово! А ты собраться успеешь? Мне бы к десяти утра выехать.

– Успею, – кивнула я, ведь у меня все было давно собрано. – Где ты остановился? Я подъеду пораньше.

Зайцев замялся.

– Вообще-то, официально я в «Ратуше», но на самом деле в мотеле «За мостом», это в пригороде. С одной стороны, я директор школы, и мне как-то несолидно по мотелям селиться, но поездку мне никто не оплачивает, поэтому я решил немного сэкономить. Я ж не знал, что тебя встречу!

– Да все нормально, я никому не скажу, – правильно прочитала я его мысли. – Буду за час.

– Держи, – Петр достал из кармана ключ. – Это запасной. Я могу с утра быть на почте. А вдруг тебя кто узнает? Ты меня лучше сразу внутри мотеля дожидайся. Кстати, в Ливонске можешь пожить у меня, зачем на гостиницу тратить. Ну там, основные расходы на питание и все такое оплатишь, но я возьму в три раза дешевле. Так, что там насчет чека?

Сейчас подпишем?

– Завтра утром в твоём номере, – немного охладила я его пыл. – Приеду с деньгами.

Расстались мы оба в хорошем настроении.

Но я допустила ошибку: позволила себе поверить, что мои мечты начнут сбываться.

Глава 3

Когда вдали заблестели знакомые огни небоскреба, в котором семья Латьер выкупила этаж для дочери, мной овладело нехорошее предчувствие. Водитель плавно остановил машину у вип-подъезда, дверца скользнула вверх, открыв услужливое лицо швейцара, холл с массивными колоннами и смутно виднеющийся вдали лифт с золочеными створками. Я же вдруг отчетливо поняла, что день закончится плохо.

Аромат духов матери я узнала еще на улице, а небольшая армия телохранителей в холле и у лифта недвусмысленно говорила о том, что дома меня ждало не долгожданное одиночество, а обилие гостей, как всегда, непрошенных.

– Рина, девочка мой, ты сегодня хорошо спала? У тебя такой бледный и усталый вид. Я обязательно поговорю с твоим диетологом, возможно, не хватает витамина Д.

Мать выглядела искренне встревоженной, но я на ее волнение не повелась. Привычно скользнула губами по наруганной щеке, приобняла, потом подошла к отцу, который с довольным видом восседал в специальном кресле. У Генри Латьера имелись проблемы с позвоночником, и ему требовалась особая мебель. Ею моя квартира была переполнена. Все напоминало о том, кто на самом деле здесь был хозяином – тот, кто все это покупал.

Семья ждала меня в гостиной за уже накрытым столом.

У стены выстроилась в ряд прислуга: три официанта, дежурный повар, горничная, управляющий. Сегодня был представлен укороченный состав – не хватало тренера, диетолога и еще каких-то людей, должность которых я даже не старалась запомнить. Охрана по правилам ожидала снаружи комнаты. И на том спасибо.

Я еще с порога поняла, что время для моего переодевания в графике семейного ужина мать не предусмотрела, поэтому сразу прошла к столу, едва ополоснув пальцы в миске с дезинфицирующей водой – еще одна дурацкая привычка семьи Латьер, которую я не понимала, но с которой решила не воевать.

Расстегнув пиджак, я села в услужливо отодвинутое для меня кресло, положила ладони по обеим сторонам от тарелки с дымящимся пюре и только потом взглянула на мужчину, который сидел на противоположном конце стола. С самого начала мне удавалось его игнорировать, но неизбежное случается.

Виктор Качернетти, выбранный родителями жених, выглядел так, как и положено модели. Подтянутый, стильный, в ослепительно-белом костюме, на фоне белизны которого отчетливо выделялся красный платок, выглядывающий из нагрудного кармана – слишком яркий для семейного ужина и первой встречи. Что-то он должен был означать. Если то, что нарыл мой детектив про этого типа, было верным, Виктор уже сейчас мне о чем-то сообщал.

– Рина, познакомься, это Виктор, – представил мужчину отец. – Виктор, как и ты, много работает, но ради семьи готов оставить карьеру.

По гостю я едва скользнула взглядом, сразу переключив внимание на родителей. Между мной и сыном мафиозного клана еще не случилось конфликта, но никто не сомневался, что это лишь вопрос времени. Красивый Виктор символизировал все то, от чего я бежала. Он был новым замком на двери моей тюрьмы, и, похоже, ключа у этого замка не было. Виктор не выглядел человеком, готовым идти на компромиссы.

Если родители и заметили мой настороженный взгляд, то предпочли игнорировать. Официанты подали закуски, и ужин потек своим чередом. Говорили о скором переезде старших Латьеров в столицу, о моей помолвке, и, конечно, о бизнесе, который собирались передать молодой чете. Сама я помалкивала, предпочитая занимать рот салатом, а вот Виктор говорил много и охотно.

– Виделся я сегодня с этим Руфом, – фыркнул он, небрежно катая вилкой трюфели по тарелке. – Гердан слишком много о себе воображает. У всех есть слабые места, их надо только поискать.

Взгляд серых глаз вдруг остановился на мне, отчего я неожиданно покраснела. К счастью, мать вовремя переключила внимание зятя на себя.

– Надеюсь, ты не наедине с этим «мясником» встречался,

– Марианна Латьер поежилась. – Возможно, где-то слухи о Гердане Руфе преувеличены, но мы не можем отрицать того факта, что он убийца, который почему-то до сих пор на свободе. И его прозвище – «Зверь», не на пустом месте появилось.

– Мы не будем это обсуждать, – вмешался Латьер-старший. – Дело об убийстве давнее, а вот сделка по Малому Ермаку – это настоящее и будущее. Завтра утром я встречаюсь с Руфом у себя в офисе. Попробую на него надавить. Нам также интересно, чтобы эти земли перешли к Качернетти.

«А потом и к Латьерам», – закончила я про себя мысль отца. О продаже Малого Ермака, полуострова с месторождением редкого вида серебра, говорили в деловых кругах города уже давно. Компания «Руфинвест», которая владела полуостровом, однажды уже собиралась продать эти земли клану Качернетти, но в последний момент ее владелец Гердан Руф передумал.

О Руфах я знала только то, что они добывали серебро по всей стране уже несколько столетий. Но их репутация, а потом и бизнес, сильно пострадали после мутной истории с убийством, в котором был замешан нынешний единственный владелец «Руфинвеста» Гердан Руф, к тому же еще и мастер спорта по борьбе. Мои интересы были далеки от «серебряного» бизнеса, поэтому о той истории я знала мало. Хотя и «прогремела» та на всю страну, потому что убитым оказался сын высокого чиновника из страны. С тех пор Руф про-

дал большую часть приисков, сосредоточив бизнес в Лейноре, а сам заработал прозвище «Зверя», так как убийство было страшным. Впрочем, пресса обзывала его «Зверем», еще когда Гердан делал спортивную карьеру. Сейчас для меня, что Гердан Руф, что Виктор Качернетти – все были на одно лицо. Мне хотелось других людей и другой жизни.

Я и не заметила, как разговор перетек в неприятную тему, касающуюся моего ближайшего будущего.

– Нужно провести свадебную фотосессию до церемонии, но я хотел бы внести коррективы, – деловито произнес Виктор, одаривая сидящих за столом профессиональной улыбкой модели.

– Разумеется, – кивнула Марианна, явно довольная тем, как складывался вечер. – Какие именно?

– Я уже обсудил вопрос со своим хирургом, – темно-серые глаза Виктора остановились на моем лице. – Он может принять Рину послезавтра. Операция займет полдня, неделя уйдет на восстановление, но к дате мы успеваем.

– Операция? – невольно переспросила я.

– Все уже оговорено и обсуждению не подлежит, – сурово произнес отец. Видимо, он давно подготовил оборонительную позицию, и устав ждать, перешел в наступление.

– У Виктора модельный бизнес, дорогая, – вмешалась мать, славившаяся умением вести переговоры. – Со временем он оставит карьеру и займется семьей, но в ближайшие пять лет важно, чтобы все было идеально.

– Я здорова, мне не нужен хирург, – все еще не понимала я.

– Ты недостаточно красива, – заявил с другого конца Виктор, который, кажется, не выносил надолго оставаться без внимания. А переговоры он вел, как Генри Латьер – рубил плеча.

– Тебе придется появляться со мной на публике, а мне нужна идеальная жена. Сейчас в моде узкая талия. Мы удалим тебе нижние ребра, поправим нос и скулы, выбелим кожу. И что-то нужно сделать с твоими голосовыми связками. Хочу, чтобы твой голос звучал нежнее. Но не все сразу, конечно. Начнем с ринопластики.

Я не подавилась салатом лишь потому, что совершенно некрасивым образом выплюнула все на тарелку. Мать в ужасе закатила глаза, отец нахмурился, официант подсуетился и поскорее сменил блюдо на новое.

– Мы считаем, что Виктор прав, – перехватил инициативу Генри Латьер, явно готовясь к скандалу. – У тебя обычная внешность, но все поправимо. Мне нужны наследники, и я не хочу ждать до старости, когда ты выйдешь замуж. Вы с Виктором полюбите друг друга.

«Мне нужен контракт с династией Качернетти любой ценой», – мысленно закончила я за него и бросила яростный взгляд на Виктора, который, кажется, получал искреннее наслаждение от происходящего. Ярость удалось подавить не сразу, но я справилась.

– Хорошо, – выдавила я и даже немного порадовалась растерянности, которая отразилась в глазах родителей.

Они явно ждали подвоха. А подвох был в том, что я не собиралась выходить замуж – ни за Виктора, ни за другого мерзавца из родительского окружения. Завтра я сбегу, а значит, можно было соглашаться на что угодно.

«И что за больной мозг прячется в твоей голове?», – мысленно спросила я Виктора и заставила себя улыбнуться. Он улыбнулся в ответ, и улыбка эта была иной – не той, что показывалась публике. Мне она не понравилось, но разговор, к счастью, снова перешел к деловым вопросам, и тему моей внешности больше не поднимали.

Ужин тянулся бесконечно долго, но все-таки подошел к концу, однако неприятные сюрпризы не кончились.

– Я уйду позже, – заявил Виктор, когда я приготовилась провожать незваных гостей. – Хочу провести немного времени с невестой.

– Конечно, конечно! – засуетилась мать, а отец даже попытался натянуть на лицо счастливую улыбку. Интересно, а они на самом деле меня когда-нибудь любили?

Глава 4

Я почти с отчаянием наблюдала, как Виктор выпроваживает из гостиной прислугу. Кажется, он действительно хотел остаться со мной наедине, и ничто во вселенной не могло этому воспрепятствовать.

– Приятно было познакомиться, но мне еще надо поработать, – я попыталась взять инициативу в свои руки.

– В нашей семье матриархата не будет, дорогая, – сказал Виктор, когда закрылась дверь за последним официантом. – Если ты не еще не поняла, то право голоса у тебя есть, но немного. Моя семья ввязывается в слишком сомнительное дело с этой сделкой, а мой интерес крепится на весьма хилой основе. Начнем с того, что пока я вижу только одно преимущество. Неужели, ты серьезно думаешь, что клану Качернетти нужны ваши загнивающие активы? Но брак мне правда не помешает. Только брак на моих условиях. Скажем так, у меня весьма специфические запросы к супруге, и идеальная внешность – лишь малая их часть. Ты хороша собой, Рина, но удовлетворить меня только красивым личиком вряд ли получится. Ты понимаешь, о чем я, верно?

Я не понимала, но была убеждена в одном. У Виктора случился приступ безумия, а еще он явно лукавил. Активы банкиров Латьер были далеко не загнивающими, но спорить с сумасшедшим было себе дороже.

Когда Виктор подошел к двери и прислонился к ней, загораживая мне путь, сохранить контроль над собой удалось с трудом. Как и напомнить себе о том, что это еще моя квартира, а не его. Впрочем, уроки по медитации не прошли зря. Пара незаметных вдохов и выдохов, и я снова владела собой. Пусть мерзавец почувствует себя хозяином, его торжество будет недолгим.

Кивнув, я отодвинула стул и села, закинув ногу за ногу. С таким, как этот Виктор, нужно было вести себя, как с дикой собакой, встретившейся в безлюдном месте на пустыре. Никакого страха и сомнений в собственном превосходстве.

– Хорошо, что ты хочешь обсудить? – спросила я, стараясь придать голосу дружелюбный оттенок.

Вот только притворство не удалось, а собака оказалась ку-сачей.

Я не поняла, как очутилась на столе прижатой животом к съехавшей скатерти и с заломленной за спиной рукой. Боль от вывернутого запястья разлилась по телу ошеломляющей волной. Удерживая меня только левой рукой, Виктор правой схватил мой подбородок и повернул мне голову так, что малейшее движение, и мне, наверное, свернули бы шею. У меня все еще оставалась свободной одна рука, но все, что я могла, это стиснуть пальцами мокрую ткань скатерти – пролилось вино.

– Сейчас и поговорим, – сквозь шум в ушах раздался голос Виктора.

– Отпусти! – то ли потребовала, то ли попросила я, тут же пожалев о сказанном. Оказывается, мое вывернутое запястье еще не достигло пика боли. Виктор поднял мою руку выше, и у меня перехватило дыхание. К счастью, запястье вернули в прежнее положение, и я, по крайней мере, снова смогла дышать.

– А теперь слушай внимательно, – змеиным голосом прошептали мне на ухо. – У меня есть все. Деньги, власть, счастье – ничего не убавить и не прибавить. Бизнес твоих родителей меня не интересует. Я собираюсь полностью отдать его тебе, потому что мне он не нужен. Я согласился на эту сделку из-за тебя. Такой вот я. Увидел тебя однажды на приеме и решил, что ты мне подойдешь идеально. А если я однажды чего-то захочу, то своего добьюсь. У меня уже была жена, но она умерла через год после свадьбы. У нас все могло быть хорошо, но она не приняла мои правила, а те, кто не поступают, как я хочу, долго на этом свете не живут. Пришлось всю информацию о моем браке из этого мира убрать. Вместе с людьми, кто о нем знал. Ты мне нравишься, но для того, чтобы я тебя полюбил, придется постараться. Потому что, если этого не случится, ты отправишься следом за Анечкой. Вижу, ты хочешь что-то спросить. Спрашивай.

Запястье вернулось в прежнее положение, и я ощутила, как ко мне возвращается способность мыслить. Руку с моего лица Виктор не убрал, его пальцы поглаживали кожу за ухом, то спускаясь к шее, то возвращаясь к мочке уха. Ищет

болеваю точку, предположила я и решила не рисковать.

– Чего ты хочешь? – прохрипела я.

– Подчинения, – лица Виктора видно не было, но улыбка слышалась в голосе. – Я люблю покорных женщин. И мне не нравятся девственницы. Твоя матушка хорошо сберегла тебя, но твоя невинность меня раздражает. Запомни, если я буду доволен в постели, ты будешь довольна по жизни. У тебя будет все, я даже позволю тебе трахаться с другими мужиками, разумеется, в моем присутствии. Люблю смотреть.

– Какими мужиками? – мне показалось, что от боли у меня начались проблемы со слухом.

– Я чувствую, как в тебе дремлет страсть, ее надо просто разбудить, – рука Виктора перестала терзать мое ухо и вдруг юркнула вниз. Щелкнула пряжка ремня, и мои брюки оказались спущены на колени. Вместе с бельем. Я дернулась, тут же пожалев об этом. Запястье снова потянули вверх, и я не сдержала крика.

– Вот это я особенно люблю, – промурлыкал Виктор, продолжая оставаться хозяином моего тела, теперь и в прямом смысле. – Когда кричат. Я тебя всему научу, не волнуйся. Все, о чем ты тайно мечтала, ублажая себя по ночам, сбудется. Я найду тебе идеальных самцов. От тебя требуется лишь покорность. Строптивость проявлять можно, за нее ты будешь получать наказания, но если мы договоримся, тебе и мои наказания понравятся. Тебе нужна властная рука. Станешь хорошей женой и будешь счастлива.

Сквозь боль я соображала плохо, но до меня все-таки дошло, где именно оказался палец Виктора.

– На сухую получится плохо, но потерпи, один вопрос мы решим прямо сейчас.

Запястье снова вернули в прежнее положение, и боль свернулась клубочком, готовая атаковать в любой момент. Казалось, что цепкие и сильные пальцы Виктора могли при желании легко сломать мне руку.

Мои щеки вспыхнули, когда палец Виктора надавил и пролез-таки внутрь – неглубоко, но ощутимо. Я вскрикнула, в голове зашумело, дышать стало так же тяжело, когда мне ломали запястье. В голове будто взорвался вулкан, накрывая рассудок огненной лавой. Боль обожгла все тело, разливаясь огнем от низа живота. Подступили непрошеные слезы, но их удалось удержать.

– Вот так, – прошептал Виктор. – Это всего лишь мой палец, представляешь, какое счастье может подарить штука по-настоящему. Я познакомлю тебя со всеми своими игрушками, не сомневайся. Они тебе обязательно понравятся. А теперь дыши. Глубоко ртом. Если не сделаешь, как я велю, вернусь к твоей руке. И да, проблему с твоей девственностью мы уже решили. Не люблю делать это в постели. Так гораздо быстрее.

Мне нужна была рука, поэтому я подчинилась. Открыла рот, как хотел этот садист, и принялась дышать. Вдох – выдох. Еще раз. Втолкнуть воздух, вытолкнуть воздух. По но-

гам потекла теплая струйка. Я поняла, что это кровь, но запретила себе думать о ней. Всего лишь кровь. К счастью, Виктор не стал просовывать пальцы дальше, но вдруг принялся двигать ими, то сгибая, то разгибая в суставах, и я почувствовала, как горлу подкатывает ком, а дыхания уже не хватает. Со мной происходило что-то ужасное, не передаваемое словами, то, что люди не должны делать друг с другом. В следующую секунду меня отпустили. Исчез захват запястья и... пальцы. На меня больше никто не давил сверху, но я продолжала лежать на столе, не в силах найти силы собрать остатки гордости.

– Все прошло немного не так, как я хотел, но в следующую нашу встречу ты обязательно кончишь, – произнес Качернетти, открывая дверь. – Жди ее с нетерпением.

Стук его каблуков, угасающий по мере того, как Виктор уходил по коридору, еще какое-то время мешал мне подняться, и только мысль о том, что сейчас в гостиную придут убирать слуги, заставила меня встать и перенести себя в ванную, где я включила холодную воду и залезла в душ, в чем была – в брюках, ботинках и пиджаке.

– Ничего не произошло, – убеждала себя я, клацая зубами от ледяной воды. Этот вечер уйдет в прошлое, как и все те дни, когда чета Латьер вынуждала меня подчиняться ее правилам только потому, что меня нашли в мусорном баке, и теперь за мной требуется присмотр.

«Иначе ты превратишься в шлюху, моя девочка, – мурлы-

кал в голове голос приемной матери. — Ты не можешь себя контролировать, в тебе дурные гены». В появлении Виктора не было ничего удивительного. Он был последовательным продолжением моих унижений, которые грозили перейти в иную фазу надругательств, теперь не только над душой, но и над телом. Побег, который при встрече с Петром еще казался нереальным, теперь превратился в единственный путь к спасению.

Я была намерена сражаться за свою свободу и счастье.

Глава 5

У меня было много недостатков, но банковским специалистом я стала хорошим. В отличие от родителей коллеги и подчиненные ценили меня за деловые качества, которые я проявила за несколько лет службы. Если я о чем и буду жалеть, так это о работе. Я получила должность младшего специалиста еще будучи старшекласницей, начала подъем по карьерной лестнице в университете и стала начальником отдела по окончании магистратуры. Конечно, в банке болтали о теплом местечке, который пригрел для меня отец, но я знала, что получила это место заслуженно, хотя, возможно, и раньше, чем это было принято в такой консервативной системе, как банковская. Работа спасала меня от семьи, и я платила ей, как могла – выкладывалась по полной.

– Доброе утро, госпожа Латьер, – прошебетала Линда, секретарь, выбранная моей матерью. – Список встреч у вас на столе, зеленый чай будет через минуту. Приглашать людей на планерку?

– И тебе доброго, Линда, – вежливо ответила я, радуясь, что секретарь не догадалась о моем душевном состоянии, которое было близко к панике. – Дай мне двадцать минут и начнем работать.

В ту ночь я спала от силы пару часов – слишком многое нужно было приготовить, в том числе и себя. Кровотечение

прошло, а вот сердечную рану придется залечивать долго – не здесь и не сейчас. Сумку я сложила давно, еще месяц назад. Разумеется, собиралась я не дома, а в спортивном магазине, где мне удалось подкупить продавца.

Посещение крупнейшего спортивного бренда подозрений у матери не вызывало, и в течение полугода я приобрела в том магазине сумку, термобелье, кроссовки, пару толстовок и утепленные брюки – в крае было холоднее, чем в Лейноре. Все остальное планировалось купить уже на месте, деньги у меня были. Я выводила наличку постепенно, в течение нескольких лет, экономя на обедах и карманных расходах, которые у дочери главного банкира Лейноры были немаленькими. Зарплата контролировалась родителями, и я ее не трогала. Зато мне удалось продать несколько дорогих сервизов, которые мать подарила мне на новоселье. На руку сыграло землетрясение, потряхнувшее город полгода назад. Я спрятала посуду ночью, а слугам утром доложила, что та разбилась от толчков. Ложь была дырявой, плохо скроенной, но каким-то образом удалась.

Детектив, которому я сегодня утром перевела премиальные, должен был увезти чемодан из спортивного магазина в мотель Петра и оставить его в ячейке хранения. Я надеялась, что обойдется без сюрпризов. Однако после того вечера я была готова ко всему.

С Линдой я научилась вести себя осторожно, ибо о каждом моем движении и слове докладывалось родителям. Мать

умудрялась следить отовсюду. Зеленый чай вместо кофе по утрам – это была ее идея, и мне, заядлой кофеманке, приходилось пить любимый напиток тайком.

И тут как гром на голову – Виктор Качернетти. Утром я окончательно убедила себя, что он сумасшедший и садист, а я не сумела дать отпор из-за стресса и тяжелого дня. Больше такого со мной никогда не случится, и впредь я сумею за себя постоять.

Уверенная, что вечером домой не вернусь, я прошла к столу и склонилась к листку со встречами, когда дверь за моей спиной распахнулась, явив Виктора Качернетти и маячившую за ним Линду.

– Я жених, мне можно, – заявил секретарю Виктор. – Планерка переносится на неопределенное время, тебя уведомят. Если сменишь цвет помады и уберешься из приемной на полчаса, может, и сработаемся.

Линда закрыла дверь с такой поспешностью, что сразу стало ясно: о Качернетти она что-то знала. А вот я растерялась. Вся моя решительность испарилась при виде безумного жениха, который, к счастью, не стал сокращать между нами дистанцию, а присел на другой край длинного стола совещаний. Сейчас я многое бы отдала, чтобы этот стол стал еще длиннее. Гадая, успею ли нажать на кнопку вызова охраны, я облокотилась о пачку бумаг на своем конце стола, стараясь принять непринужденную позу. Моя выдержка определенно хромала, потому что на ум пришла мысль о том, что охрана

может быть подкуплена или напугана так же легко, как и мой секретарь. Все-таки о клане Качернетти в Лейноре было хорошо известно.

«Главное, не беси его, – посоветовала я себе, – и вечером все получится».

Вряд ли мерзавец решится на насилие в моем собственном кабинете. С другой стороны, Виктор, наверное, уже считал его своим.

– Надолго не отвлеку, солнышко, – послал он мне воздушный поцелуй. Я сглотнула, но выражение лица умудрилась сохранить непроницаемое. По крайней мере, мне так показалось.

– Пара объявлений, после чего мы разойдемся до вечера. А ты меня вчера разгорячила. Надеюсь, я тебя тоже. На всякий случай мы с Марианной надумали сменить штат твоих телохранителей. После планерки можешь ознакомиться с новым составом. Я решил, что тебя нужно лучше охранять от сомнительных знакомств.

– Спасибо за заботу, дорогой, – ответила я ему, и подумав, опустилась в кресло. Никакого страха, велела я своему стучащему сердцу. Теперь на Виктора приходилось смотреть снизу вверх, ведь он по-прежнему сидел на столе, но на привычном месте я почувствовала себя увереннее. – Или лучше называть тебя господином?

Осторожно, напомнила я себе, но Качернетти, похоже, был в слишком хорошем настроении, чтобы обращать вни-

мание на мои колкости.

– Кстати, ты помнишь Петра Зайцева? – невинным тоном произнес Виктор. – Кажется, вы с ним вместе учились. Представляешь, сегодня утром его сбил мой водитель. Петр выбежал пьяным на дорогу. На скоростную магистраль! Там страшная авария, до сих пор разгребают. Не водись с такими, Рина, и у тебя все будет хорошо. Сегодня после работы я тебя заберу. Заедем к моему хирургу, он тебя посмотрит. Думаю, к концу недели ты уже ляжешь на операцию. За работу не волнуйся. Мы с твоими родителями уже договорились, я здесь за всем присмотрю.

Когда он подошел, я изо всех сил старалась не забыть, как дышать. Когда Виктор наклонился и поцеловал меня, я все-таки задохнулась, но вцепившись в ручки кресла, заставила себя не отпрянуть. Ответить ему я не могла, сознание сражалось с паникой и отвращением, но какая-то часть меня все-таки сообразила, что сопротивление сейчас будет проигрышной стратегией. К горлу подступила тошнота, когда язык Качернетти скользнул по моим плотно сжатым зубам. Пальцы Виктора сжали мой подбородок, и я подумал, что без насилия не обойдется, но он вдруг меня отпустил и, отстранившись, внимательно оглядел.

– Ты что-то задумала, да? Решила притвориться паинькой и меня провести? Не выйдет, моя хорошая. Кстати, можешь называть меня как угодно. И господин, и Виктор, и сладенький – мне все нравится. Пора бежать, но одну я тебя не остав-

лю. Сейчас подойдет мой доверенный. Зови его просто – Олвер. Он со странностями, но ты к нему привыкнешь. Тебе ко многому придется привыкать.

Виктор направился к двери, а мне казалось, что меня избили палкой.

– Олвер уже явился? – слышался голос Качернетти в приемной. Линда что-то ответила, но во мне уже включился инстинкт самосохранения.

Размышляла я недолго. Вскочила и, распахнув окно, выбралась на карниз, который манил меня так много лет. Но сейчас у меня были совсем другие цели. Как никогда я хотела жить и кончать с собой не собиралась. Клетка, построенная вокруг меня четой Латьер, а теперь еще и Качернетти, грозила захлопнуться навсегда. Если я в нее попаду, выход, действительно, будет только один, но сейчас я была намерена сражаться.

Глава 6

Я могла собой гордиться, ведь все бумаги, что мне приносили на подпись, я привыкла прочитывать и досконально изучать. Вот и план пожарной эвакуации всплыл в памяти в нужный момент и во всех деталях. По карнизу, конечно, эвакуация не предполагалась, зато план подсказал, что по узкой бордюрной ленте можно попасть в отдел бухгалтерии, который состоял из нескольких кабинетов, в том числе, закусочной. Время вторых завтраков уже прошло, и в комнате вряд ли кто-то мог быть. Все сотрудники уже должны были налить себе кофе и теперь сидеть с чашками перед мониторами. Утро в офисе одинаковое: все старательно делают вид, что работают, а на самом деле пропадают в социальных сетях и новостных лентах.

Осторожно заглянув в комнату, я никого не увидела и перелезла через подоконник внутрь. Солнце вставало с другой стороны небоскреба, и в закусочной царил полумрак. Щелкнул выключатель, заливая помещение ярким светом, и я едва не выпрыгнула обратно в окно. На этот раз получилось бы точно дальше карниза, так как нервы были натянуты до предела.

Человека, стоящего у кофейной машины, я приняла за того самого Олвера. Рванула обратно к окну и поняла, что подвиг повторить не смогу. Слишком высоко.

С другой стороны, мужчина интереса ко мне не проявил. Будто каждый день наблюдал, как люди забираются в комнату из окна. Смерил меня взглядом с головы до ног и вернулся к кофейному аппарату, с которым, похоже, уже давно сражался. Впрочем, на телохранителя незнакомец был похож – здоровый и высокий, широкоплечий, он, казалось, сразу занимал все пространство небольшой закусочной. От него пахло парфюмом, названия которого я не могла вспомнить, но запах точно мне нравился. Фантазия явилась непрошеной гостьей – мимолетная, как сон на грани пробуждения, стыдная, как первый опыт. Я покраснела до того, как взяла себя в руки. Всею виной мой развратный жених Качернетти. Такие мысли о первом встречном – точно признак душевного расстройства. Мне сейчас о другом думать надо.

– Вы стукните слегка сбоку, все заработает, – подсказала я внезапно охрипшим голосом. Казалось, что судьба повисла на волоске. А вдруг этот тип все-таки тот самый Олвер?

– Стукнуть можно по-разному, – усмехнулся мужчина, но все-таки хлопнул кофемашину. Удар вышел неслабый, и я уже мысленно подсчитала расходы на новое оборудование, но аппарат, подумав, решил заработать. Источая бодрящий аромат, напиток с шипением полился в чашку.

– Утро не задалось? – спросил незнакомец, поворачиваясь ко мне. Справа на виске виднелся небольшой шрам, который ничуть не портил это странное лицо. Мне захотелось рассмотреть все самым внимательным образом: от спрятан-

ных смешинок в уголках губ до ямочки на подбородке, но, смутившись, я опустила глаза на носки своих туфель и вдруг поняла, чего мне не хватает.

– Утро, может, и нет, – согласилась я, – но день еще не начался. А хотите сделку? Я все-таки помогла вам с кофе.

– Любопытно, – улыбнулся тип. – Что предложите? И чего хотите?

– Хочу вашу куртку, – смело заявила я. Ярко-красная куртка незнакомца мне сразу приглянулась. – В обмен предлагаю свой пиджак. Либо это.

Я достала из кармана пухлую пачку банкнот. Я была на взводе, уверенная, что меня либо пошлют далеко и надолго, либо вызовут охрану, либо все-таки выберут деньги. Но мужчина удивил.

– Почему бы и нет, можем и поменяться.

И он протянул руку к моему пиджаку, который явно был ему мал. Ситуация выходила абсурдной, но я решила идти до конца, раз уж она первой все это начала. Сбросила с себя пиджак, кинула незнакомцу, утонула в его куртке, которая оказалась ожидаемо широкой в плечах. На миг наши пальцы коснулись, и мне почему-то захотелось продлить это касание подольше. Закатав рукава куртки, я с вопросом в глазах посмотрела на незнакомца. Мол, а ты что с моей одеждой делать будешь?

Тот вопрос понял и перекинул мой пиджак себе на локоть. Губы спрятал за кружкой кофе, но мне показалось, что тип

усмехался.

– Ну, хорошего дня! – выдавила я и услышала в ответ:

– И у тебя пусть все получится.

Они не переходили на «ты», но я кивнула, решив, что все обошлось.

По крайней мере, в этом месте и с этим человеком. Станным образом, уходить не хотелось. Мужчина так и не спросил меня, зачем я залезла в окно, а я не спросила, кем являлся незнакомец – ведь комната была служебной, а всех сотрудников я знала в лицо.

Спрятав пачку денег обратно в карман, я кивнула и, получив в ответ такой же кивок, выскользнула за дверь.

И все же, когда я вышла в холл, по которому сновали знакомые сослуживцы и охрана, сердце билось, как бешеное. Его стук должен был слышать каждый проходивший мимо, но сотрудники главного банка Лейноры были погружены в собственные проблемы. Охрана проверяла всех на входе, не особо заботясь о выходе. Впереди замаячили стекла вестибюля, а за ними блестел манящий солнечный свет. Утро Лейноры уверенно перетекало в день. Для кого-то обычный, а для некоторых – в решающий.

Покинув здание, я все еще не верила в свою маленькую победу. Мне до последнего казалось, что странный тип, встретившийся в закусочной, обязательно поднимет тревогу. Но пока все было тихо.

Новость о гибели Петра едва не повергла меня в пучину

апатии. Я была совестливым человеком, и мысль, что Зайцева убили из-за меня, теперь будет тянуть мою душу в бездну всю жизнь. Подобную вину не сгладить деньгами, которые так любил Петр, но я поклялась найти его близких и, как получится, помочь им. Разумеется, после спасения себя самой.

Красная куртка незнакомца странным образом грела не только тело, но и душу. Мне впервые в жизни приходилось носить подобную одежду, от нее веяло долгожданной свободой и вкусом счастья. Подавив мимолетный восторг, я заставила себя сосредоточиться. Мое везение в любую секунду могло закончиться провалом. Виктор со своим Олвером наверняка уже искали меня. А в помощь им – все камеры наблюдения Лейноры. Одна надежда, что хотя бы полчаса в запасе у меня имелись.

Заскочив в ближайший торговый центр, я купила кепку с козырьком и рюкзак, на переднем отделе которого был нашит огромный кролик с нелепыми ушами. Чем ярче и заметнее твой образ, тем меньше на тебя обращают внимание, говорили безопасники, а я, давно готовившая побег, слушала их внимательно. Заглянув в кофейню, я заказала большой стакан черного кофе и попробовала позвонить оттуда своему детективу. Детектив не ответил, оправдав дурные предчувствия.

И все же я решила не отклоняться от первоначального плана. Возможно потому, что другого у меня не было. Те, кто убил Петра, сейчас наверняка были заняты поисками дочери

Латьер. Я рискнула и села в автобус, идущий до пригорода – туда, где находился мотель Петра. Сама гостиница меня не интересовала, но Петр говорил о машине, готовой к поездке. Каждое слово Зайцева всплывало в памяти с небывалой четкостью. Конечно, машина одноклассника попадет в розыск, но к тому времени я уже успею выехать в другую область. Приграничные земли жили по своим правилам, и с законом столичных городов не дружили.

В автобусе с неожиданной четкостью вспомнилось лицо Виктора, и я почувствовала, как к щекам приливает жар. Вот причина, по которой назад повернуть я уже не смогу. Неважно, что он делал и говорил, важно, что я сделаю все, чтобы наши пути больше не пересеклись. У меня имелись деньги, чтобы нанять кого угодно, вплоть до киллеров, но принципами своих приемных родителей, а уж тем более клана Качернетти, я жить не хотела.

А еще я вдруг поняла, что лгала самой себе и очень давно. Почему-то вспомнился Эльф. Мальчик, который поразил меня в младших классах, когда я училась еще в обычной школе. Его прозвали Эльфом за шикарные белые волосы, которые длинными локонами спадали на плечи. Обычно учеников коротко стригли, но родители Эльфа решили иначе.

Нас посадили за одну парту, и уже после первого урока я буквально зафанатела по своему соседу. Мы сдружились, вместе обедали, а после уроков играли, дожидаясь, когда за нами приедут шоферы, нанятые родителями. Эльф тоже был

не из бедной семьи. Я помнила, как заходило сердце, когда Эльф, будучи выше и крепче, поднимал меня, обхватив сзади, и кружил вокруг себя. Через месяц моя мать решила перевести дочь в закрытую элитную школу, что и было сделано. Разумеется, меня не предупредили. Так и получилось, что даже проститься с Эльфом не удалось, а после меня закрутила жизнь в золотой клетке. Забыла ли я Эльфа? Пожалуй, нет. Просто положила его в сундук памяти с сокровенными воспоминаниями, а ключ спрятала еще дальше – чтобы психологи матери ни в коем случае его не откопали.

Теперь можно было жалеть только об одном – что я его не искала. Позже в школе, в университете и на работе у меня появилось много знакомых, которые называли себя моими приятелями, но настоящих друзей у меня не было. Возможно, это место навсегда закрепилось за одним Эльфом.

Мотель, выбранный Петром, явно переживал не лучшие времена. Потрескавшаяся штукатурка на стенах, засохшие без полива кусты, покосившейся указатель, одинаковые модули, выкрашенные в унылый коричневый цвет.

Я решила не рисковать и к номеру Петра не приближаться. Люди Качернетти могли оставить там камеры слежения. А вот машина мне была нужна. Потертый красный внедорожник стоял рядом с такими же побитыми жизнью и дорогами колымагами. Я ладила со всеми видами транспорта, и вскрыть несложный замок не составило труда. Мой инструктор по вождению обладал очень широкими познаниями и за

дополнительную плату продемонстрировал любознательной и щедрой ученице все трюки, которые обычно показывали в фильмах. Разумеется, тайком от матери. Тогда слежка за мной еще не достигла своего апогея. Золотые были времена. Я не стала профессиональным гонщиком, но зачем-то хорошо запомнила, как вскрывать и заводить машины без ключа. Как знала, что во взрослой жизни пригодится.

Машина приняла меня охотно, открылась с полутыка, завелась с полуборота. Пакеты из-под фастфуда, пепел на сидениях, толстый слой пыли на приборной доске и вонь курева, забившаяся в каждую щель, говорили о том, что аккуратистом Петр не был.

Подавив желание заняться уборкой, я включила навигатор и выдохнула с облегчением. Все работало. Путь до Ливонска был проложен, мне оставалось только управление. Никаких датчиков слежения в машине я не заметила, хотя было件нятно, что их вряд ли установили бы на видном месте. Однако пыль и мусор в салоне оставались нетронутыми, а значит, шансы, что кто-то успел поковыряться в настройках и установить датчики слежения, были невелики.

«Все получится», – сказала себе я и нажала на газ.

Глава 7

Я, конечно, знала, что, чем дальше от центра, тем меньше налет цивилизации, который в приграничных землях был именно налетом – в одних местах толще, в других тоньше.

Я давно не сидела за рулем так долго, и, если бы не навигатор, вряд ли сумела выбраться из Лейноры самостоятельно. Пригород я проехала быстро, но оставалось еще полпути, а меня уже клонило в сон – сказывалось длительное напряжение. Спать в машине на обочине я не решилась. До Ливонска добралась с трудом, проведя за рулем почти шесть часов.

У стелы с названием города я свернула, заметила уходящую в кусты проселочную дорогу. Съехала туда, убедилась, что заросли прочно закрывают меня от любопытных глаз с трассы, и, выключив двигатель, тут же погрузилась в глубокий сон.

Когда будильник на наручных часах пропищал знакомую мелодию, я резко очнулась, будто вынырнула из пучины. Прошло всего три часа – большего я не могла себе сейчас позволить. Липкий, холодный страх сковал тело, когда по стеклу сверкнуло светом.

Красная машина проехала мимо, а я вдруг заметила, что землю вокруг покрыл тонкий белый слой выпавшего за ночь снега. Запоздало вспомнилось, что зима в крае приходила на месяц раньше. В моей сумке, которая так и осталась в Лей-

норе, имелись теплые вещи, но куртку и сапоги я собиралась покупать уже в Ливонске.

Я переползла на заднее сидение, порылась в багажнике, но нашла лишь очередную порцию пустых бутылок из-под пива и энергетиков. У Зайцева имелись проблемы не только финансового плана. Испытав очередной укол совести, ведь Петр мог быть сейчас жив, если бы не встретил свою проблемною одноклассницу, я вернулась за руль и, включив обогрев салона, осторожно вывернула на трассу, убедившись, что красного автомобиля нигде не видно.

Ливонск еще спал, когда я вырулила на главную улицу провинциального городка.

Сильный порыв ветра ударил в бок машины, и автомобиль ощутимо тряхнуло. Я пригнулась к рулю и опасливо посмотрела на небо, обложенное низкими, белесыми тучами. Они громоздились друг над другом, наползали на соседок, терлись брюхами и толкались, не предвещая Ливонску ничего хорошего.

Несмотря на то что обогрев в салоне работал на полную мощность, я начала замерзать. А через пару минут по лобовому стеклу застучал град. Крупные белые шарики атаковали машину Петра Зайцева столь неожиданно, что я не решилась продолжить движение и свернула к обочине, решив переждать опасное явление. Многие автомобили поступили также, что успокаивало: выделяться сейчас хотелось меньше всего.

Что делать в Ливонске без Петра, я еще не придумала, но решила, что мне нужно время осмотреться. Может, удастся устроиться в школу и без протектората.

Поругав себя, что не посмотрела прогноз погоды, я поежилась. Куртка незнакомца была красивой, яркой, но легкой – в ней было ощутимо холодно. Яркая кепка и рюкзак с нашитым на него нелепым кроликом помогли бы мне слиться с толпой в большом городе, но здесь я в них буду выделяться. Проснулась жажда, ведь после чашки кофе утром прошлого дня я так ничего и не пила. Аппетит у меня всегда был плохой, но вода была необходима. Как и теплые вещи.

Мои банковские карточки уже наверняка заблокировали, но налички в крупных купюрах в тот день я распихала по карманам достаточно, чтобы не думать о деньгах по меньшей мере пару месяцев. К тому же в Ливонске у меня были открыты счета на подставные имена с приличными суммами. Фальшивые документы, правда, остались в той самой сумке, что пропала вместе с детективом, но я уже придумала несколько схем, как забрать свои деньги.

Учитывая, что в области все стоило дешевле, одной налички должно было хватить надолго. Мне нужно было найти гостиницу, но еще раньше – магазин. Я медленно тронула машину с места, снова положившись на удачу. Вскоре она мне улыбнулась. Большая парковка и длинное низкое здание с плоской крышей и неоновой вывеской «Рублик» говорили сами за себя. Кажется, я нашла местный супермаркет.

Несмотря на ранний час и непогоду в магазин набилось людей, и мой план оставаться незаметной рухнул в тот миг, как за мной закрылись двери. «Неместная» – читалось в глазах толпы. Вокруг меня сразу образовалось пустое пространство, словно люди не хотели иметь ничего общего со странной незнакомкой, одетой по-летнему.

Я поспешила пройти к рядам с едой для домашних питомцев, которые выбрала исключительно потому, что там почти никого не было. Вот они – приграничные города. Все друг друга знали, а каждый новенький будет вызывать уйму любопытства.

Приличной верхней одежды для женщин я в магазине не нашла, зато отыскала отдел с теплыми рубашками, свитерами и толстовками. Качество оставляло желать лучшего, края были сшиты неровно, по швам торчали нитки, да и сама ткань обещала расползтись после первой стирки. Такой одежды мне носить еще не приходилось, но пора было привыкать к мысли, что в моей жизни ничего по-старому уже не будет.

Выбрав клетчатую рубашку и толстовку неприметного бурого цвета – в стиле местных жителей, я с трудом подавила желание надеть на себя их немедленно. В огромных пространствах гипермаркета гуляли сквозняки. В отделе обуви на полках красовались только резиновые сапоги. Правда, подошва у них была толще, чем у моих нынешних туфель, и я решила, что сапоги лишними не будут. Добавив в корзину

пару теплых носков и трусов такого же отвратительного качества, что и все остальное, я направилась туда, откуда пахло выпечкой, жареным мясом, картошкой фри и подгорелым маслом. Отдел кулинарии с утра пользовался повышенным спросом, пришлось постоять в очереди. Люди снова принялись на меня пялиться, но я уже успокаивалась. Их любопытство – от скуки, а вовсе не оттого, что они увидели в новостях мой портрет.

Несмотря на тревогу, что меня раскроют, меня вдруг настигло осознание, что я все-таки могу быть счастлива. Я начала думать о будущем, и это было неплохое начало. Придется ко многому привыкать, в первую очередь, к сложностям из-за того, что раньше я знала только роскошную сторону жизни. Элитными были машины, на которых я ездила, брендовая одежда, в которую одевалась, рестораны, в которых питалась. Аромат теплой булки с сосиской, которую подогрела для меня продавец в микроволновке, казался прекраснее всех изысканных блюд с морепродуктами, входившими в мое ежедневное меню.

Внезапно я поняла, что очередь не двигается. Заставив себя подавить панику, я осторожно выглянула из-за плеча стоявшей впереди дородной дамы с перегруженной тележкой.

Впрочем, можно было и не наклоняться, потому что человека, застрявшего у кассы, видно было издалека. Огромный, плечистый, с бритой головой, мужчина очень неспешно считал что-то в кошельке, задерживая всю очередь. Кассир

делала вид, что происходящее ее не касается, и задумчиво рассматривала маникюр, но, как ни странно, люди, стоявшие позади мужчины, тоже не спешили возмущаться. Я же окончательно замерзла и ко всему сильно проголодалась. Мужчина явно издевался над остальными, потому что вдруг передумал искать деньги в кошельке, засунул ладонь в карман брюк и вытащил оттуда пригоршню монет, которые принялся неспешно пересчитывать.

– Вы не могли бы отойти и посчитать, что у вас там на ладони, в сторонке? – слова сорвались с языка прежде, чем я их обдумала. – А когда наберете нужную сумму, вернетесь и все оплатите.

Я оглянулась, ища поддержки от других покупателей, застрявших в очереди, но, как ни странно, ее не было. Люди поспешно отводили глаза, а старичок, стоявший следом, даже отодвинулся, всем видом показывая, что не имеет со мной ничего общего.

– Что ты сказала? – спросил мужчина и вместо того, чтобы оплатить покупку – коробку печенья с нелепым розовым бантом – вдруг направился ко мне. Очередь послушно растеклась в стороны, прижавшись к поручням. Я растерянно заморгала, ожидая какой угодно другой реакции.

Похоже, назревал конфликт, который мог привлечь ко мне ненужное внимание, но раньше надо было думать. Я достала бумажник из кармана и, вытащив банкноту, протянула ее незнакомцу.

– Если вам не хватает, возьмите, пожалуйста, – произнесла я как можно спокойнее. – Буду рада помочь. Вас, наверное, ждут, вон какой подарок красивый выбрали. И мы все тоже тут торопимся.

– Меня ждут, но только не на этом свете, – усмехнулся тип, уничтожив расстояние между нами. Еще полшага, и мой нос уткнулся бы в свитер темно-бурого цвета.

– У нас акция, печенье сахарное со скидкой! – воскликнула женщина, которая незаметно подошла к кассиру. Похоже, вызвали администратора.

– Этих денег достаточно, – улыбнулась дама, показав на монеты, которые тип оставил рядом с кассой. – Приятного вам дня!

Люди вокруг стали заискивающе улыбаться незнакомцу. До меня не сразу дошло, что и персонал магазина, и покупатели отчего-то сильно боялись типа, и теперь всеми силами пытались его успокоить. Опустив глаза, я обратила внимание на бугорок под свитером в районе пояса. Можно было гадать, но самым очевидным представлялось одно: за ремень у него был заткнут пистолет или солидный нож отнюдь не для чистки овощей.

– Хорошего вам дня, – выдавила я, поймав на себе испуганный взгляд дородной тетki, что стояла впереди. Судя по ее кивку, слова были выбраны правильно.

Тип еще какое-то время тяжело глядел на меня сверху вниз, внимательно рассматривая, потом повернулся и, схва-

тив коробку с печеньем, хлопнул дверями, исчезнув в снежной мешанине. Снаружи разыгрывалась нешуточная метель, которая сразу же поглотила его фигуру.

«Не нужно мне выходить из магазина», – вдруг мелькнула паническая мысль, но развиться ей не дали столпившиеся вокруг люди.

– Совсем дура, что ли? – набросилась на меня та самая тетка. – С бандитами умничать решила? А если бы и нас задело? В следующий раз тебя пристрелят и не посмотрят, что новенькая. Сама-то откуда будешь?

Чувствуя себя второстепенной героиней боевика, которую включили в сюжет исключительно для увеличения количества жертв уличной пальбы, я попятилась к дверям, но, к счастью, останавливать меня не стали. Уже выходя, я вдруг вспомнила о своей корзине, набитой припасами, которая так и осталась у кассы, но задержала меня не эта мысль, а случайно услышанные слова:

– Ох, уж эти Качернетти. Как в город заявились, так никому от них пощады нет.

А в следующий миг меня подхватили под локти крепкие руки и поволокли к той самой красной машине, которую я заметила на въезде в городе.

Тип из магазина показался в поле зрения и, сбросив с моей головы кепку, натянул на меня теплую шапку.

– Я Олвер, – представился он, без особого труда запихивая меня в машину. – Привет от Виктора. Просил просле-

дить, чтобы ты не простыла. Ну, что? Набегалась? Теперь едем в больничку, и так от графика отстаем. Носик тебе править будем. А как отлежишься, я тебя выдеру так, что спасибо скажешь. Виктор обещал, что со мной поделится.

Глава 8

Бывают такие пробуждения, когда кажется, что проснулась давно, но, оказывается, все спишь, а просыпаешься в самый неожиданный момент – как для себя, так и для тех, кто вокруг.

Вот и я проснулась неожиданно. Ослепляющий белый свет долго не давал раскрыть глаза, но, все-таки проморгавшись, я долго и бессмысленно разглядывала скупую обстановку медицинской палаты, непонятные приборы, тянувшиеся трубочками к моему телу, а также девушку в белом халате, которая перебирала флаконы на тумбочке.

Но больше всех поражало окно и то, что за ним происходило. Лил дождь, хороший такой тайфун, который иногда случается в июле, но чаще в августе. Какой сейчас месяц? Вспомнить я не смогла. А в следующий миг в палате все заверещало и запищало. Источник звука находился прямо у меня над головой.

Девушка-медсестра подпрыгнула от неожиданности, обернулась, какое-то время переводила взгляд с меня на приборы и обратно, потом вдруг сообразила и, всплеснув руками, радостно воскликнула:

– Очнулась! Какая радость! Ну, мне точно премия в этом квартале светит!

Подбежав, наклонилась и участливо погладила меня по

щеке:

– Как себя чувствуешь, моя хорошая? Молчи-молчи, тебе еще нельзя разговаривать, это я так, на эмоциях. Сейчас мы тебя быстренько в чувства приведем.

В следующие несколько часов я то проваливалась в темноту, то выплывала на берега уже другой палаты, которая имела кое-что общее с моим первым местом пробуждения – вид из окна. На улице по-прежнему бушевал настоящий летний дождь, и чем дольше я на него смотрела, тем хуже становилось на душе. Прошлое возвращалось постепенно, по ядовитой капле просачиваясь в мой только очнувшейся мозг. Последнее, что я помнила, был снег. До листьев на деревьях было еще далеко.

Когда зелень за окном потонула во мраке сгустившихся сумерек, оставив неизменным звук дождя, я убедилась, что со мной случилось, если не самое плохое, то нечто, находившееся на грани ужасного и безнадежного. Мой побег не удался, я пролежала в коме, мои запястья были прикованы к поручням кровати наручниками, а средний палец правой руки обхватывало кольцо, которое я попыталась снять, но с таким же успехом можно было стараться оторвать себе ноготь – кольцо будто вросло в плоть.

После всех манипуляций, что сделали с моим очнувшимся от комы телом, я чувствовала себя ожившим трупом на столе некроманта. И я все еще себя не видела, хотя подозревала худшее.

Набежавший было персонал, который весь день суетился вокруг меня, как возле проснувшейся мумии Нефертити, с наступлением темноты понемногу исчез, оставив рядом неизменную девушку в белом халате, которую звали Жанной. Медсестра повторяла свое имя так часто, что даже глухой бы услышал.

– Жанна, – тихо позвала ее я, потому как громче говорить не получалось. Девушка тут же подскочила, услужливо наклонившись.

– Да, моя хорошая?

– Меня зовут Рина. Не «моя хорошая». Вы можете снять наручники?

– А сейчас как ты себя чувствуешь? – спросила медсестра, изображая глухую. – Пить хочешь? Скоро тебе можно будет есть. Ты точно проголодалась. У нас очень хороший повар. Твоя мама сказала, что ты любишь креветок. Мы приготовили тебе на ужин креветки с авокадо. И немного мороженого. Здорово, правда?

Я ненавидела креветки, как и все морепродукты, которые запихивали в меня с детства слишком часто и слишком много. Значит, родители знают, где я. По крайней мере, появился шанс на выживание, хоть и с материнской опекой.

– Что это? – я подняла палец с кольцом.

– Твое обручальное кольцо, – услужливо отозвалась Жанна, упрямо продолжая звать меня на «ты». Меня почему-то это бесило. Хотелось немного дистанции с людьми, чтобы

прийти в себя.

– Я не замужем.

– Вас с супругом обручил сам губернатор Лейноры, когда ты в коме лежала. Тут такое торжество было! – Жанна закатила глаза, видимо, вспоминая, какие бонусы от этого сомнительного мероприятия достались лично ей. – Господин Качернетти прибудет вместе с твоей мамой завтра утром. Они уже вылетели из столицы.

Значит, у нее последняя ночь свободы.

– А это, чтобы я не сбежала? – спросила я, дернув рукой в наручнике.

– У тебя очень бдительный телохранитель, – развела руками Жанна. – Он приедет через час, ему уже сообщили о твоём пробуждении. Да ты не волнуйся. Олвер нам объяснил, что ты можешь себе навредить, и мы отнеслись к этому серьезно.

– Олвер? – от одного имени на душе похолодело.

– Да ты не волнуйся, моя хорошая. Сейчас я тебе зеркало принесу. Посмотришь, какой стала красавицей.

Жанна отошла к шкафчику и вернулась с круглым зеркалом в руках. Я поспешно зажмурилась.

– Ну, ты чего? – участливо протянула Жанна. – Доктор Стрелецкий лучший в стране, он сделал все, как ты хотела, и даже лучше. Не волнуйся, дисморфофобия – это не приговор, особенно с твоими-то деньгами. У тебя любящий супруг, понимающие родители. Можешь править себя, сколько

хочешь. Никто тебя за это не осудит. На мой взгляд, ты и до операции была ничего, а сейчас и вовсе в красавицу превратилась. Погляди.

Но я упорно не желала размыкать веки, и Жанна, сдавшись, убрала зеркало.

– Какой сейчас месяц? – задала я терзавший меня вопрос.

– Июль начался, – вздохнув, сказала медсестра. – Тебя не смогли вывезти из наркоза, поэтому ограничились только ринопластикой. Все остальные операции отложили на потом. Такое редко, но случается. Главное, что кома была непродолжительный. Ты должна оценить наш уход. Что с тобой только не делали! В результате ты можешь ходить, шевелить руками и даже принимать пищу в тот же день, что вышла из комы. Твои родственники будут довольны.

– Значит, ринопластика, – горестно вздохнула я, пытаюсь ощутить свой новый нос. И каких богов я умудрилась так разгневать? А тому доктору Стрелецкому должно было здорово достаться от моей разбойной родни. Никто из них не любил, когда срывались планы. Впрочем, злорадство удовлетворения не принесло, и мою душу снова засосала апатия.

– Пока только она, – развела руками Жанна. – Зато все зажило, и бинты даже сняли. Проведем анализы, и на следующей неделе можно приступать к ребрам. Тебе не будут их удалять, а лишь немного сломают, изменив угол наклона. Это новая, более безопасная методика.

– Понятно, – вздохнула я. – Спасибо тебе, Жанна. Прости,

у меня настроение скачет то туда, то сюда. Я не успела тебя сильно обидеть?

— О, что ты, — медсестра будто вся расцвела, увидев, что настроение пациентки улучшилось. Я все еще умела красиво лгать: способность, которой было сложно гордиться.

— Все наладится, — медсестра участливо присела на краешек моей кровати. — Олвер рассказывал, что ты так себе не нравилась, что пыталась перерезать вены. У тебя даже шрамы остались. Поэтому просил привязывать тебя всегда, когда его нет рядом. Хорошо, что ты не посмотрела в зеркало. Это я необдуманно сделала. Вдруг ты себе снова не понравишься и попробуешь сделать что-нибудь ужасное?

Я опустила глаза и увидела две тонкие полоски на каждом запястье. Неужели для правдоподобности меня, действительно, порезали? Впрочем, если Качернетти собрались ломать мне ребра, что стоило им изобразить эти шрамы. С горечью подумалось о родителях. Неужели они так ничего и не заподозрили? Или бизнес был для них всегда важнее? Почему-то вспомнился тот тип, что отдал мне куртку, когда я бежала из офиса. Нашли ли его Качернетти? Захотелось, чтобы судьба к тому любителю кофе оказалась благосклонней, чем ко мне.

Глава 9

Впрочем, думать сейчас надо было не о красивых парнях, а о том, как избежать встречи с Олвером, которая могла оказаться для меня весьма травмоопасной – как в психическом, так и в физическом плане. Я многое не помнила, но последние слова телохранителя врезались в память хорошо.

– Жанна, можно попросить об услуге?

Медсестра насторожилась. Видимо, я перестаралась, пытаясь придать голосу невинное звучание.

– Хочу сесть. Можешь по очереди перестегнуть наручники чуть повыше? Устала лежать. И, если нетрудно, подай тот освежитель для лица. Я же правильно поняла, что он вроде как для умывания? Хочу взбодриться.

Жанна поморгала какое-то время, усиленно обдумывая, где подвох, но не обнаружив ничего подозрительного, встала и принесла флакон.

– Тебе можно умываться пока только таким способом, – улыбнулась она. – Здесь все необходимые для кожи вещества. Мы обрабатывали этим средством твое лицо, пока ты была без сознания. Могу помочь, мне совсем нетрудно. Нужно только закрыть глаза.

Честно говоря, я наугад предположила, что находилось во флаконе, но план рождался буквально на лету. Осталось не переиграть.

– Дай поддержать. Хочу понять, есть ли сила в пальцах, – пояснила я. – А потом ты обработаешь мне лицо, как всегда.

– Что ты такое говоришь! Все у тебя должно работать как прежде! – даже возмутилась Жанна. – Вот держи. Сейчас отстегну одну руку, и ты сама все попробуешь. Сможешь нажать на аэрозоль?

– Смогу, – сказала я и от души брызнула средством Жанне в глаза. Я не знала, какие могут быть последствия, надеялась только, что не сильно навредила девушке.

Все прошло предсказуемо. Жанна вскрикнула, выронив ключ от наручников и схватившись за лицо – видимо, не зря предупреждала закрывать глаза. Штука жглась. Я подхватила выпавший из ее ладони ключ и той рукой, что уже была отстегнута, схватила медсестру за горло, повалив на кровать рядом с собой. В руках, действительно, силы особой не было, но страх перед Олвером, семьей и Виктором помог сделать то, на что я «нормальная» никогда бы не решилась.

Буквально за секунду до того, как Жанна закричала, я сумела отстегнуть вторую руку и повалила медсестру на кровать, закрыв ей рот подушкой. Не веря, что делаю это, я застегнула наручники на запястьях Жанны, затолкала ей в рот кусок простыни и закрепила медицинским пластырем, найденным в тумбочке.

Убедившись, что Жанна не может дотянуться до кнопки вызова персонала, что у нее дышит нос, и что с глазами тоже вроде как все в порядке, я постояла какое-то время, держась

за подоконник и с трудом соображая, что мне делать дальше. Этот Олвер точно где-то на подходе. К счастью, я находилась не в частной клинике с тысячью замков, а, судя по картинке за окном, – в городской больнице Лейноры. Но и в ней охраны должно было быть с маленькую армию, особенно в секторе с частными пациентами.

Жанна что-то мычала и дергалась на кровати, но я прошла мимо, ненавидя себя за эту жестокость. Медсестра была не виновата, наши судьбы просто пересеклись невовремя.

Другой одежды в палате не оказалось, и я осторожно выглянула в коридор, понимая, что моя больничная пижама будет светить в глаза всему персоналу, будто прожектор. Застав себя отлепиться от косяка, я осторожно пошла вперед, придерживаясь на всякий случай за стену. Ожидаемо, за углом раздались голоса. В больнице нет понятия «ночи», тут работают круглосуточно.

– Вот же оболтус, зачем ты тело сюда притащил? – недовольно бурчал мужской голос, – Здесь частные палаты, за них в сутки платят больше, чем ты за квартал зарабатываешь. Укатывай давай свой катафалк, да поживее.

Второй голос, помоложе, оправдывался:

– Куда ж мне его катить, если тут третий этаж указан?

– Где указан?

– В бумажке, что в отделении дали. Вот – третий этаж, так и написано.

– Покажи, что там в твоей бумаге, – уже не с таким раз-

дражением произнес первый мужчина.

Наконец, я решилась выйти. Два силуэта виднелись у столика в конце коридора. Склонившись к лампе, они рассматривали что-то на листочке, водя пальцами по строчкам.

Рядом со мной, буквально в метре, стояла тележка-каталка с телом, накрытым простыней. Кажется, судьба намекала мне на второй шанс. Он был настолько призрачным, что я даже пока не видела в нем смысла, но решила, что отказываться не будет.

Когда я стаскивала труп с тележки, мне показалось, что мое пыхтение должна услышать вся больница. А те двое, стоящие спиной, вот-вот обернутся, и день неприятностей плавно перетечет в ночь неприятностей. Тело принадлежало девочке-подростку, и я мысленно пожелала ее душе вечно-го покоя и той райской жизни, в которую верила умершая. Оставалось надеяться, что в сумерках не заметят, что тело под простынями стало чуть больше.

Когда я укладывалась на каталку, та все-таки издала предательский скрип, и люди, спорящие у стола, обернулись. Я буквально перестала дышать. Хорошо, что догадалась раздеться. Накрываясь простыней, я не смогла набросить ее на себя полностью, и ноги остались открытыми.

– Кто трогал тело? – спросил охранник, подходя к тележке. К счастью, он не догадался посмотреть на сам «труп», а принялся оглядываться по сторонам. Стоит ему сделать шаг за угол, туда, где лежало настоящее «тело», и все – я пропала.

Но тут подошел второй сотрудник и небрежно набросил простыню мне на ноги – к моему великому облегчению.

– Трупы иногда шевелятся, – хохотнул он. – Не знал? Ладно, прокачусь в морг, может, бумаги перепутали, и ее там ждут. Тебе же она не нужна?

– Катись давай! – ругнулся второй мужчина, а затем слышался сигнал открывающегося лифта. Тележка тронулась, и я поехала – в новую неизвестность.

Катились долго. Сначала в лифте, потом, петляя по коридорам, в другой лифт. Я считала секунды. В это время к зданию больницы, наверное, уже подъезжал Барс Николаевич. Мне особо не нужно было стараться изображать труп. Тело коченело само при мысли о том, что меня поймают второй раз. Казалось, меня предали все, кого я знала, начиная с семьи, но я больше всего на свете хотела жить. Не сдаваться. Верить в себя и в то, что меня ждет счастье. Пусть это счастье будет пахнуть кофе. Аромат кофе из кружки того человека, который не выдал меня при побеге, я запомню навсегда.

Тележка дрогнула в последний раз и остановилась.

Послышались удаляющиеся шаги, а я не стала искушать судьбу. Босые ступни обожгло холодом, когда я опустила их на кафель. Сжав челюсти и пригнувшись, я потрусила вдоль стены, пока не натолкнулась на дверь в подсобку, которая оказалась... дорогой к свободе.

Кажется, выходом давно не пользовались, потому что я угодила в гору картонных коробок, сваленных снаружи. Сра-

зу за ними стоял припаркованный автомобиль, из выхлопной трубы которого вырывались клубы газа. Машина либо собиралась отъезжать, либо недавно приехала, и двигатель еще не выключили.

Я все еще была голой, и меня не обнаружили только потому, что ночь стояла дождливая, и потоки воды, льющейся с небес, искажали свет прожекторов, освещавших улицу. Человек с зонтом стоял рядом с открытой дверкой автомобиля и махал кому-то рукой.

– Я здесь остановился! Там все запарковано было. Осторожнее, впереди лужа.

Водитель будто оправдывался за то, что припарковался в таком неудобном месте.

Подарок судьбы упускать было нельзя. Без одежды и документов я не протянула бы в Лейноре и часа, поэтому, особо не размышляя, открыла багажник автомобиля и нырнула внутрь, надеясь, что звук хлопнувшей крышки потонет в дожде.

Внутри было сухо и тепло, пахло автомобильным парфюмом. Я нащупала какие-то тряпки и, натянув их на себя, попыталась расслабиться. Удалось это только тогда, когда колеса тронулись, а из салона слышались звуки радио. Люди слушали музыку и ехали куда-то по своим делам. Пусть они увезут меня в лучшее будущее. Я же будет верить, что шанс начать все сначала у меня еще есть.

Глава 10

Наверное, я задремала. Я не знала, как должен чувствовать себя человек, недавно очнувшийся от комы, но разбудил меня холод.

Меня била дрожь такой силы, что я сжала челюсти, боясь прикусить язык. Тряпки, которые я в темноте нашла в багажнике, тепла не давали – они пахли выхлопными газами и машинным маслом. В животе поднималась волна тошноты. А когда я поняла, что не слышу шороха шин по асфальту и работающего двигателя, запаниковала по-настоящему. Снаружи... шумело море. Я могла сколько угодно убеждать себя, что так звучало дорожное покрытие, но плеск волн о борт судна раздавался столь отчетливо, что через полчаса мерного ритма я почти поверила, что сошла с ума. Пассажиров в машине не было – ни звуков радио, ни голосов. Лишь шум моря и страх, что рассудок я все-таки не уберегла.

Успокоиться удалось не сразу. Я впервые дотронулась до своего нового носа. Кажется, его сделали тоньше. Дышалось свободно, но под пальцами все ощущалось «не так». За ушами появились швы, а сами уши оказались сильно прижатыми к черепу. Я выдохнула. Пусть судьба или боги, или другие сущности удовлетворятся этой жертвой и оставят меня в покое. Когда у меня все будет хорошо, а в этом я не позволяла себе сомневаться, я придумаю, как вернуть себе прежнюю

внешность. Это будет принципиальный вопрос.

Озноб усилился, и я, не зная, как себе помочь, впала в небытие. Шум моря убаюкивал, но сны дарил жуткие. Мне снились хирурги в масках, на которых изображено лицо Виктора Качернетти, затем приятный голос предлагал мне кофе, а мертвый Петр Зайцев зло смеялся и обещал расправу.

Наверное, я отключилась надолго, потому что не заметила, как качка сменилась тряской, а потом двигатель машины ожил, правда, работал недолго. Очнулась я от свежего воздуха, который так густо пах хвоей, что мне казалось, будто я принимаю ванну с хвойной пеной.

– Милосердные духи, да что же это творится! – слышался сверху обеспокоенный женский голос. – Мертвая, что ли?

– Совсем озверел со своими игрищами, – пробурчал мужской голос. – Если не мертвая, то при смерти. Губы, гляди, совсем посинели.

Я разлепила глаза и уставилась на пожилую пару, которая с немым укором смотрела на мое скрюченное тело. Мне показалось, что в тот момент я вместе с ними посмотрела на себя со стороны – двигаться сил не было. Обнаженная девушка в багажнике чужого авто – да тут что угодно можно было подумать.

– Простите, – прошептала я. – Я все объясню.

– Можешь не утруждаться, – хмыкнула женщина. – Мы-то все понимаем. А вот куда Зверь смотрит, непонятно. Разве мало ему трупов в жизни было? Еще эскортницу осталось

убить, и тогда прощай большой мир. Слухи быстро разлетятся, а он запрется тут на острове, и нас с собой похоронит.

– Я на острове? – спросила я, не в силах скрыть радости в голосе. Так вот, к чему были все эти волны. Машину действительно перевозили на пароме. Остров – звучало далеко. То, что нужно.

– Смотри, радуется, что живой добралась, – хмыкнул старикан. – Ты лучше скажи, что там у вас в договоре было? Тебя так господину показывать? Прямо в багажнике, или помыть, одеть и в комнату к нему отвести? Какие были инструкции?

Я захлопала глазами и, почувствовав, что к конечностям понемногу возвращается подвижность, выглянула из багажника. Машина стояла в гараже, а рядом соседствовали другие авто – не меньше десятка. И судя по элитному транспортному набору гараж этот принадлежал небедному человеку.

– Мне нужна помощь.

Звучало отвратительно, но других слов в этой ситуации у меня не было.

– Нет уж, давай сама из машины выбирайся, – по-своему истолковал мои слова пожилой мужчина. – Хотя лучше все-таки оставайся там, где лежишь. Я сам у хозяина узнаю. А то сделаем что не так, нам же влетит.

– Постойте! – окликнула их я, понимая, что вляпалась куда-то еще. Надо было импровизировать и срочно. – Это ребята пошутили. Все нормально. Не надо никому сообщать. Я

сейчас уйду, если позволите. Одолжите, пожалуйста, рубашку и, может быть, штаны или юбку? Ну, вот такие шутники у меня друзья.

– Так ты Рина, что ли? – спросила женщина, уперев руки в бока.

Я от неожиданности даже заикаться стала. Не могли эти люди меня знать.

– Д-д-да...

– Из «Профи-сервиса»? – уточнил пожилой мужчина. – Чего ж ты молчала. Мы тебя со вчерашнего дня ждем. Прикрываем как можем, а у них там шутки, понимаешь. Мы уже начальству собирались писать. Вот шалопаи. Ты хоть понимаешь, у какого серьезного человека собралась работать? И где твои документы?

– Там же, где и одежда... – промямлила я, все еще поражаясь, что где-то в этой вселенной существовала еще одна Рина, которая должна была очутиться в этом же месте, где и я сейчас. И по каким-то причинам не очутилась. Где та Рина сейчас? И кто она?

Я осторожно выбралась из багажника и замерла, переминаясь на холодном полу и прикрываясь тряпками, которыми тщетно пыталась согреться в пути на пароме. Такого огромного гаража даже у моего отца не было, а Генри Латьер славился своей любовью к роскошному авто. На свете было полно богатых людей, но я не верила в совпадения. Главное сейчас не услышать фамилию «Качернетти».

– Да ты же совсем замерзла! – всплеснула руками женщина. – Ладно, пойдем в дом, там разберемся. В любом случае ты не виновата, я напишу твоему начальству, пусть разбираются.

– Не надо писать, пожалуйста! – встрепелась я. – Все сама улажу. Можно у вас глоток воды попросить? В голове такой бардак. И мутит немного...

– Эй, ты только полы нам тут не испачкай, – испугался мужчина и набросил на меня какую-то куртку, от которой пахло мазутом. – Давай-ка, действительно, в дом, на тебя лица нет.

– А мордашка-то у тебя для домработницы симпатичная слишком, – подмигнула дама. – Ты точно не из эскортников?

Так я и узнала, кем была та другая Рина, которая где-то потерялась. Может, мы еще встретимся, но пока у меня была фора, и я собиралась ею воспользоваться.

– Нет-нет, – поспешно ответила я. – Я домработница. Из-за лица и взяли.

Звучало убедительно, и, к моей радости, расспросы прекратились.

– Меня зовут Заря Лайнел, я управдом и твоя начальница, – представилась женщина. – А это Кевин Робс, он тут за охрану отвечает. Пойдем покажу твою комнату. Думаю, с одеждой мы тебе поможем, тем более, что если хозяин тебя одобрит, то другого костюма кроме служебного еще долго не увидишь.

– Хозяин? Одобрит? – переспросила я. Звучало неприятно.

– Ну, разумеется, – фыркнула управляющая. – Всех слуг господин Гердан лично одобряет. Сейчас приведешь себя в порядок и как раз к ужину поспеешь. Подавать на стол умеешь? Надо мне поднять твою анкету, посмотреть, что там у тебя в обязанностях значится.

В анкете обязательно будет фотография, догадалась я. Обман раскроют раньше, чем та другая Рина явится.

– Конечно, – уверенно кивнула я. – Все умею. Можете испытать на прочность.

Глава 11

Мы вышли из гаража, и я замерла, залюбовавшись видом. Солнце клонилось к закату, пронизывая лучами высокие стройные сосны, столпившиеся на холме. Справа шумело море. Гараж, похожий на храм, находился как раз на берегу. Причал с парой элитных катеров, ухоженная дорога, крепкие постройки – все указывало на то, что у места имелся хозяин, который с обществом своей территорией не делился. Воздух был густо напоен хвоей, йодом и скорым закатом – сочетание ароматов, которое раз почувствуешь и до конца дней не забудешь.

Я догадалась, что очутилась в одном из частных владений на островах Лейноры. Соснами славился Емар, самый большой остров, который был закрыт для публичного посещения.

Теперь я вспомнила. Островами владела династия Руфов, которая давно перебралась в столицу, но лейнорское хозяйство держала в руках крепко. Этот Гердан Руф, вероятно, был кем-то из молодых наследников. И, кажется, Руфы враждовали с Качернетти.

Завидев богатый дом, скрывающийся за соснами, я даже воспрянула духом. Неужели судьба решила мне улыбнуться? Укрыться у врагов Качернетти – лучше не придумаетшь.

Даже скорое прибытие настоящей Рины-домработницы

не испортило мне настроение. Что касалось самого хозяина, то я с ним проблем не видела. Работа меня не страшила. У меня с детства было столько прислуги, что я знала все, чем может заниматься слуга в доме богатого человека. Если постараюсь, повторить сумею. Во времена своего подросткового бунта я пробовала многое. А так как родители запрещали почти все, что могло замарать честь и достоинство наследницы рода, я действовала тишком, а расплачивалась карманными деньгами, нужды в которых никогда не знала. Так, ради забавы я какое-то время платила горничной, чтобы та позволяла мне самой прибираться в комнате.

Каким-то образом я выбралась из ямы с дерьмом и не собиралась падать в нее заново. То, что сделали со мной хирурги Качернетти, уже не казалось вселенской катастрофой. За соснами садилось солнце, но в моей жизни начинался рассвет. Я пробуду на острове столько, сколько смогу, после чего попробую уехать еще дальше. Гердан Руф, возможно, и был человеком из опасного прошлого, но у меня теперь было новое лицо. И новая легенда, которая давала время осмотреться.

– Мойся, переодевайся и топай на кухню, где тебе расскажут, что и как подавать, – сказала Заря, открывая мне дверь в комнату. – Будешь жить тут. Комната, туалет с душевой и балкон с видом на зимний сад. Да-да, знаю, что красиво и богато. Советую сильно не привыкать, пока не пройдет испытательный срок. Помни об условии – тишина. Нельзя

ничего слушать или смотреть без наушников. Хозяин шума не любит. Столоваться будешь со всеми слугами, расписание я тебе сообщу. И никакой мобильной связи. Как отработаешь смену, так и можешь возвращаться в тик-токи. Здесь на острове свои законы. Все это ты знаешь, читала в контракте. Ну, обыскивать тебя смысла нет, поэтому скорее приходи на кухню. Хозяину уже о тебе доложили, будешь прислуживать на ужине.

– Как мне его называть? – спросила я, вспомнив, что у отца был пунктик на том, как его звали слуги. Вероятно, он имелся у всех богачей.

– Господин Руф, – улыбнулась Заря. Видимо, ей понравился вопрос.

– Ты его не бойся, – уже мягче сказала она. – Он очень придиричив к людям. Уж точно его не твои профессиональные качества будут интересовать, а какой ты человек. Поэтому, когда будет спрашивать, отвечай честно. А, если чего-то не знаешь, так прямо и говори. Больше всего хозяин не любит, когда врут. Вот ты не постеснялась признаться, что над тобой конкурентки из твоей фирмы поиздевались и запихнули в багажник, я это оценила. Будь также честна и с господином Руфом.

– А кто жил в комнате до меня? – почему-то спросила я. По сравнению с теми апартаментами, где я обитала раньше, эта комнатуха выглядела более чем скромной, но я очень старалась не показывать Заре, насколько была счастлива. Кро-

вать с чистой постелью, стол со стулом, шкаф для одежды, полка для личных вещей и тумбочка – все, что нужно было для начала новой жизни. Мое временное убежище. Вообще-то, я не собиралась задавать этот вопрос вслух, но вырвалось.

– Егор, кажется, – пожала плечами управляющая. – Он и сезона-то не отработал. Недельку продержался, а после нахамил, и его уволили. Новых слуг хозяин тогда брать отказался, пришлось старым составом отдуваться. Мы уже не молоды, а господин Руф в отпуске требует много внимания.

Я внимательно слушала, но, кажется, не улавливала главного.

– То есть, господин проживает здесь не всегда?

– Только в отпуске, – покачала головой Заря Лайнел. – Он же из столицы, работа у него там, тоже дома и квартиры. Но отдыхать всегда сюда приезжает, он ведь родом из Лейноры. Правда, день через день на работу мотается, но живет здесь. Господин Руф очень требовательный, поэтому к его приезду всегда набираем людей. За весь отпуск он тут дней десять, наверное, бывает, но мы каждый день запоминаем. А тут еще ходят слухи, что хозяин собрался свой день рождения на острове праздновать, так мы с Антоном Борисовичем уже за голову хватаемся. Надеюсь, заскучает и в столицу уедет как обычно. Ты только мои слова не вздумай перевернуть. Мы господина Руфа очень любим и всегда ждем, но правда в том, что он не выносит одиночества, и здесь ему

быстро становится скучно. А когда ему скучно, всем не до веселья.

– А семья у него есть? – спросила я, воодушевленная разговорчивостью управляющий. И тут же поплатилась за любопытство.

– Не твоего ума дела, – внезапно резко ответила женщина. – Ишь, как ты всем интересуешься. Не забывай, на кого работаешь. От тебя требуется только то, чтобы хозяин был доволен. Этого, правда, никому не удастся, но ты, главное, старайся. И держи рот на замке. Его семья – табу. Брякнешь еще раз, не подумав, быстро вылетишь с острова и даже рекомендаций не получишь.

– Поняла, поняла! – подняла я руки в защитном жесте. – Быстро учусь, больше никаких вопросов. Дайте мне четыре минуты на душ, две на переодевание и еще одну, чтобы найти кухню. Я вас не подведу.

А сама подумала, что таких, как этот Гердан Руф, скучающих богачей из столицы, не знающих, как еще потратить капитал родителей, я знала слишком много в своей короткой жизни.

Скорее всего, я задержусь на этом острове недолго. Не потому, что не смогу угодить хозяину, а потому что сама не выдержу. С некоторых пор от людей такого рода меня тошнило. Поработаю неделю-другую, получу аванс, а потом вернусь на материк, куплю билет в плацкарте до следующего города, где пробуду еще какое-то время. И так до тех пор, пока не уеду

как можно дальше от родительского гнезда. Путь предстоял долгий и начинался он с этого прекрасного острова, пахнущего хвоей и ракушками.

Глава 12

Долго искать кухню не пришлось. Побывав в одном роскошном особняке, знаешь их все. Повар – молодой человек, представившийся Джоном, был полной противоположностью чопорной Заре Лайнел. В бандане, джинсах и длинном фартуке он очаровывал своей дружелюбностью и мне сразу понравился. Кстати, одежда, в которую меня нарядили, тоже не отличалась помпезностью. Как объяснила управляющая, хозяин устает от официального вида подчиненных на работе, поэтому дома слуги одевается в повседневный стиль. Мне выдали джинсы и красную рубашку, рукава которой должны были быть закатаны выше локтя. В аксессуары входили часы и еще рация, которую надлежало носить на поясе, чтобы быть все время на связи.

Я, которая еще сутки назад верила, что моя жизнь закончилась, была счастлива. Лучшего убежища от Качернетти, чем дом магната Руфа на уединенном острове, было не найти. Конечно, я будет стараться. Казалось, что раньше, когда за меня все делали слуги, моя жизнь была простой и необременительной, но на самом деле, простота и легкость начинались сейчас.

Джон описал мне меню на ужин, а также представил Игоря, молчаливого официанта, который жевал бутерброд с рыбой, едва кивнув. Мне тоже предложили перекусить, и я по-

просила приготовить овсянку на воде без молока, масла и сахара. Джон посмотрел на меня с удивлением, но ничего не сказал. Я же не могла признаться, что еще недавно была в коме, и меня мутило от вида любой пищи. Но подкрепиться было нужно, а лучше каши я ничего не придумала.

Овсянка без ничего со стаканом чая от Джона была великолепной. Ее не смогли испортить запахи омара с трюфелями, которых повар готовил хозяину на ужин. Морепродукты, а тем более трюфели, стойко ассоциировались у меня с прошлым образом жизни, и я приготовилась к испытанию. Впрочем, час работы, а потом отдых в собственной – пусть и временно, комнате, стоили любых усилий. Мне нужна была пауза, чтобы прийти в себя и подумать о будущем.

В столовой Игорь преобразился и вывалил на меня гору информации о том, что куда и как подавать. Я внимательно слушала, стараясь ничего не пропустить и одновременно поражаясь дотошности хозяина этого дома, который придумал столько ритуалов. Даже Латьеры ужинали проще. Только потом я поняла, что Игорь нервничал. Официант до бесконечности перебирал столовые приборы, будто вымеряя по сантиметрам их расположение, двигал стулья, поправил букет с лилиями на тумбочке, провел пальцем по рамке картины, проверяя, нет ли пыли. Уж точно пыль в его обязанности не входила, но, казалось, Игорь боялся любой оплошности. Постепенно его нервозность передалась и мне. Сказывался пережитый стресс, меня клонило в сон.

Мы простояли, вытянувшись в струну у стены, не меньше четверти часа, когда появился он – Гердан Руф. Влетел, с размаху открыв дверь, и не глядя на официантов, сел за стул, обхватив голову руками. Сидел так в неподвижности минуты три. Я даже подумала, что он молился, но нет, похоже, просто устал. Разглядеть его удалось, когда Гердан поднял голову и уставился прямо на меня. Я от неожиданности растерялась, но, когда Игорь легонько толкнул меня рукой, поняла и поспешно склонила голову. Господину разглядывать слуг можно, им глазеть в ответ нельзя. Но кое-что я все-таки увидела.

Гердан показался смутно знакомым. Здоровый, широкоплечий брюнет с бледной кожей, с фигурой, как у борца, и взглядом, как у диктатора, симпатий с первого взгляда не вызывал. На вид он был чуть старше меня, а может даже одного со мной возраста. Я задумалась о парадоксах судьбы. Вот так за столом могла сидеть я, а мне прислуживала бы какая-нибудь девица, которой не повезло (или наоборот – повезло) родиться не в семье богачей. Воспоминание о родителях кольнуло в груди обидой. Почему они выбрали бизнес, предав дочь, которой с детства внушали, что она для них как родная? Значит, все-таки ящик в мусорном баке, в котором нашли младенца Рину, имел значение. Я была еще одним активом, который приобрели на своем жизненном пути Латьеры. Своеобразное вложение в будущее, которое их подвело, захотев жить по-своему.

– В твоей анкете не написано, что ты глухая, – раздался спокойный голос, и я вдруг поняла, что Гердан Руф со мной разговаривает. И кажется, говорит уже давно. Бросив взгляд в сторону Игоря и увидев ужас в глазах официанта, я забеспокоилась. Кажется, я умудрилась допустить ошибку даже в таком простом деле, как подача блюд на стол. А ведь еще ничего даже не делала.

– Да, господин Руф? – переспросила я, попробовав изобразить на лице услужливость, какую видела у Игоря. Кажется, получилось плохо, потому что Гердан нахмурился.

– Новенькая? Понаберут вечно всяких дурах, – пробурчал он.

Как же тебя прет от собственной важности, с издевкой подумала я. А ведь мы, похоже, действительно одного возраста. Только ему попались адекватные родители, а мне выпали карты сложнее.

– Ты куда опять уплыла? – послышался недовольный голос Гердана. – Так и будешь стоять столбом? Можешь приступить к обязанностям. А ты, Игорь, свободен. Сегодня работает новенькая. У нее испытательный срок.

Игорь бросил на меня последний взгляд, полный ужаса, и потихоньку выскользнул в приоткрытую дверь. Даже мне стало не по себе. Впрочем, за столом сидел не Виктор Качернетти, а всего лишь напыщенный индюк с раздутым самомнением. Я с ним справлюсь.

Объяснений и инструкций не требовалось – я много раз

видела, как слуги накрывали и прислуживали моей семье за столом. Оставалось только все повторить с учетом тех ритуалов, что придумал себе Руф. Они были несложные – заходить с правой стороны, а не с левой, стоять не ближе двух метров к хозяину, следить, чтобы в стакане всегда была вода, смотреть в пол, молчать, держать руки вдоль тела, не сцеплять пальцы, не убирать их за спину. У этого Гердана точно был пунктик на руках.

Ужин прошел в молчании. Я все сделала так, как если бы прислуживала собственному отцу, не забыла и про «особые инструкции». Гердан больше меня не замечал, погруженный в собственные мысли, и я расслабилась.

Если про мою растерянность вначале не вспомнят, то, похоже, с испытательным заданием я справилась. Барчук молча жевал трюфели, глядя прямо перед собой, я же, стоя у стены навтыжку, от скуки то и дело бросала на Руфа любопытные взгляды. И совсем уж неожиданно в голову пришла мысль, что в другой жизни и в д

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.